

Индикаторы детско-родительских отношений в контексте различных социально- демографических показателей

А. А. Реан, И. А. Коновалов*

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики», г. Москва, Россия,

* iv.konovалov@yandex.ru

Введение. В социализации подростков первостепенное значение принадлежит семье, однако по мере взросления увеличивается значимость места проживания. Актуальность статьи обусловлена различными тенденциями в изменении жизни современной семьи, а также возрастающим вниманием к проблеме неравенства между типами российских населенных пунктов. Цель статьи – исследование образа отца у современных подростков, проживающих в полных семьях в разных типах населенных пунктов.

Материалы и методы. Исследование проводилось в форме анонимного онлайн-опроса. Выборку составили 3 526 респондентов (из них 57 % девушек) из полных семей. Средний возраст респондентов – 16 лет. Анализ данных осуществлялся с помощью следующих методов статистической обработки: критерий Краскела – Уоллеса, множественная линейная регрессия.

Результаты исследования. Выявлены основные тенденции детско-родительских отношений: девушки, по сравнению с юношами, статистически значимо выше оценивают показатели принятия и гиперопеки со стороны отцов; установлена связь воспринимаемой гиперопеки со стороны отца с типом населенного пункта, в котором проживают респонденты; выявлена связь гиперопеки со стороны отца с числом детей в семье. Полученные данные позволяют выдвинуть обоснованное предположение о различиях между практиками контроля за поведением подростков в контексте специфики населенного пункта, в котором проживает семья. Принятие подростка родителями в большей степени обусловлено психологическими особенностями взаимодействия в семье, в то время как показатели гиперопеки (и практик контроля) значимо связаны со средовыми факторами.

Обсуждение и заключение. Статья представляет интерес для исследователей в области психологии семьи и подростков, а также потенциально может привлечь внимание специалистов, отвечающих за разработку и реализацию молодежной и семейной политики в России.

Ключевые слова: подросток, отцовство, семья, размер населенного пункта, гиперопека, принятие

Для цитирования: Реан, А. А. Индикаторы детско-родительских отношений в контексте различных социально-демографических показателей / А. А. Реан, И. А. Коновалов. – DOI 10.15507/1991-9468.100.024.202003.433-452 // Интеграция образования. – 2020. – Т. 24, № 3. – С. 433–452.

Indicators of Parent-Child Relationships in the Context of Various Socio-Demographic Parameters

A. A. Rean, I. A. Konovalov*

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,

* iv.konovalov@yandex.ru

Introduction. The article is dedicated to the problem of child-parent relationships (acceptance and behavior control practices by fathers). The context of modern family trends and various socio-demographic indicators of family life in the Russian Federation is also significant. The main hypothesis of the article: the indicators of acceptance and overprotection by fathers (in full families) differ in the context of such variables as a gender of the respondent, number of children in the family, and type of settlement in which the family lives.

Materials and Methods. The study was conducted in public secondary schools in eight regions of the Russian Federation. For data collection, an online survey was used. The sample consisted of 3 526 respondents from full families (57 % female). The mean age of the respondents was 16 years. Data analysis was carried out using the following statistical processing methods: Kruskal-Wallis test, multiple linear regressions.

Results. It was found that girls statistically higher evaluate perceived indicators of “care” and “overprotection” by fathers than boys. It was also found that respondents from villages, urban settlements, and small towns (less than 100 thousand people) statistically higher evaluate perceived indicators of control (“overprotection”) by fathers. In families with a large number of children (3 or more) from cities with a high population (more than 500000), the indicators of perceived overprotection by the father are lower.

Discussion and Conclusion. Results allow us to put forward an assumption that practices of adolescents’ behavior control by fathers differ (in the Russian Federation) in the context of locality (size of the population) in which the family lives. It is also worth noting that the acceptance of a teenager by parents is largely dependent on the psychological characteristics of interaction inside the family, while indicators of overprotection (and control practices) are significantly associated with environmental factors. The results are of interest in the context of family and youth policy agenda.

Keywords: adolescents, fathering, family, type of settlement, overprotection, acceptance

For citation: Rean A.A., Konovalov I.A. Indicators of Parent-Child Relationships in the Context of Various Socio-Demographic Parameters. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2020; 24(3):433-452. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.100.024.202003.433-452>

Введение

Качество детско-родительских отношений – один из ключевых параметров субъективного благополучия подростка. Значимыми показателями благополучия/неблагополучия детско-родительских отношений являются принятие родителями своего ребенка и гиперопека¹ [1]. Традиционно данные понятия рассматриваются в рамках психологической проблематики. Однако категория благополучия становится важным объектом широкого спектра социальных наук от социологии и антропологии до исследований образования. Вопросам благополучия подростков и молодежи уделяется особое внимание в молодежной, семейной и образовательной политике,

что также задает актуальность указанной проблематике.

В настоящее время происходит интенсивная диверсификация форм и моделей семьи [2], а также траекторий взросления [3]. В данной тенденции явление неравенства и его различных форм выполняет важную функцию. Традиционно проблематика неравенства рассматривается в контексте финансово-экономического благополучия [4; 5], однако и проблема территориального неравенства – место проживания семьи – может быть связана с определенными локально-специфичными рисками. Указанные явления были рассмотрены в контексте образовательных достижений и результатов [6; 7]. Цель дан-

¹ Карabanова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.; Реан А. А. (отв. ред.) Семья: психология, педагогика, социальная работа. М.: АСТ, 2010. 576 с.

ной работы – проанализировать связь специфики территории проживания с показателями благополучия детско-родительских отношений и рассмотреть, как подростки и молодежь воспринимают воспитательные практики со стороны отцов.

Обзор литературы

Оценка благополучия детско-родительских отношений является не только самостоятельной научной задачей, требующей постоянного переосмысления в контексте специфики культурно-исторической ситуации, но и прикладной проблемой, актуальной в контексте различных задач семейной и молодежной политики. Так, представления о родителях (как индикатор благополучия подростков) входят в инструментарий исследований и мониторингов, значимых для принятия политических решений в различных странах. Наиболее ярким примером, подтверждающим данное утверждение, является исследование International Self-Report Delinquency project (ISRД)², направленное на установление тенденций в подростковой девиантности и преступности. В настоящий момент оно реализуется в 34 государствах.

Результаты ISRД3, связанные с паттернами виктимизации в разных типах городов по всему миру, стали ценной информацией для систем семейной и молодежной политики в разных государствах [8]. Аналогичные выводы были сделаны по проблемам домашнего насилия и виктимизации подростков в семье [9].

В качестве примера рассмотрим один из блоков данного исследования, который посвящен оценке практик взаимодействия подростков с родителями. Опрос содержит следующие группы утверждений³:

- восприятие родителей;
- частота совместных семейных ужинов;

- коммуникация с родителями;
- негативные события семейной жизни.

Основной линией настоящей работы является проблема образа детско-родительских отношений у подростков в контексте благополучия данной возрастной когорты и их семей. Для оценки показателей благополучия детско-родительских отношений используются различные индикаторы. Приведем классификацию О. А. Карабановой, в рамках которой выделяются следующие индикаторы при обобщении множества исследований⁴:

- социальный контроль (ожидания, требования, санкции);
- родительский мониторинг;
- последовательность родительского воспитания (противоречивость/непротиворечивость требований к ребенку);
- интегральная родительская позиция (принятие ребенка, мотивы и ценности воспитания, значимость ребенка, удовлетворенность родительство, модель ролевого поведения родителя);
- тип семейного воспитания (эмоциональные отношения, стиль общения);
- образы родителей и семьи у ребенка.

Фактически указанные индикаторы можно выстроить вокруг трех параметров – эмоциональных отношений каждого из родителей с ребенком, практик контроля и образа родителей в восприятии ребенка как интегративного компонента по отношению к первым двум. Рассмотрим зарубежную практику оценки указанных показателей на примере ряда исследований.

Популярным инструментом оценки детско-родительских отношений в зарубежных исследованиях является Parental Bonding Instrument [10]. Опросник содержит две шкалы – «принятие» (care) и «гиперопека» (overprotection). Отметим, что русскоязычная версия опросника адаптирована Т. Н. Тихомировой

² About ISRД (International Self-Report Delinquency Study) [Электронный ресурс]. URL: <https://web.northeastern.edu/isrd/summary> (дата обращения: 20.11.2019).

³ Questionnaire ISRД3 Standard Student Questionnaire [Электронный ресурс]. URL: https://web.northeastern.edu/isrd/wp-content/uploads/2016/01/ISRД3_TechRep_2.pdf (дата обращения: 21.03.2020).

⁴ Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования.

и С. Б. Малых в 2018 г. [11]. В некоторых зарубежных исследованиях оригинальный опросник показывает «высокую чувствительность» в различных контекстах, связанных с детско-родительскими отношениями. Г. Паркер считает, что выделение двух базовых шкал, связанных с эмоциональным отношением родителей и детей и практиками контроля, достаточно для охвата широкого спектра явлений детско-родительских отношений и фиксации различных коррелятов, в том числе клинических [12]. Так, в своей работе Д. Чен и его соавторы сделали вывод, что низкие показатели принятия, заботы и чрезмерный контроль со стороны матери связаны с развитием симптоматики обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР) у девушек. В указанном исследовании аналогичного эффекта в отношении юношей выявлено не было [13].

А. М. Монтелеоне с коллегами определили, что пациенты с расстройствами пищевого поведения сообщают о высокой частоте переживания травмирующих ситуаций и воспринимают своих родителей как более контролирующих и демонстрирующих низкие показатели заботы и принятия. Жестокое обращение с детьми было распространенным у пациентов, свидетельствующих о низких показателях принятия со стороны родителей. Высокий уровень контроля со стороны матери достоверно предсказывал вероятность появления расстройств пищевого поведения только тогда, когда участники испытывали низкий уровень эмоционального насилия со стороны родителей [14].

Однако указанный инструмент используется не только применительно к задачам клинической проблематики, но и в более широких контекстах социальных исследований. Так, Н. Джордж с соавторами использовали Parental Bonding Instrument для оценки специфики когорты подростков, проживающих в сельской местности в Индии. Они установили, что 49 % отцов и 36 % матерей респондентов из исследуемой выборки воспринимались подростками

как чрезмерно контролирующие, но не проявляющие принятия и заботы. По их мнению, наряду с «тревожными» показателями детско-родительских отношений большинство респондентов из сельской местности также имеют низкие показатели эмоционального интеллекта, учебной мотивации и различных социальных навыков, что является реальной проблемой для молодежной политики Индии [15].

М. Шмёгер совместно с другими учеными провели оценку связи отношений с родителями и воспринимаемым качеством отношений с интимным партнером в выборке респондентов из студенческой среды. Так, для респондентов, высоко оценивших уровень принятия со стороны матери и адекватные показатели контроля со стороны родителей, были характерны более высокие оценки отношений с интимным партнером по сравнению с респондентами, воспринимающими своих родителей как контролирующих и демонстрирующих низкий уровень заботы и принятия. Респонденты из представленной группы также высоко оценили удовлетворенность различными аспектами качества жизни, в том числе и общим состоянием здоровья по сравнению с подвыборкой респондентов, воспринимающих своих родителей как гиперконтролирующих и редко проявлявших заботу в периоды детства и юности, но в настоящий момент удовлетворенных отношениями с интимным партнером [16].

Примеры рассмотренных исследований, с нашей точки зрения, свидетельствуют о том, что оценка таких компонентов детско-родительских отношений, как практики контроля (гиперопека) и заботы (принятие) являются адекватным инструментом исследования специфики социально-перцептивных образов родителей в различных контекстах.

Анализ специфики образа детско-родительских отношений в контексте диверсификации родительских практик [17] является актуальной научной задачей. Указанная тенденция относится как к материнству, так и к отцовству. В статье рассмотрена проблематика

отцовства в аспекте восприятия подростками конкретных способов взаимодействия с отцами в повседневной жизни. В западной терминологии понятие «отцовство» используется в двух аспектах – *«fathering»* и *«fatherhood»*. В первом случае говорят о моделях поведения мужчин в социальной роли отца и о конкретных формах внутрисемейного взаимодействия, а *fatherhood* сфокусирован именно на ценностно-смысловой стороне феномена отцовства [18]. В данной работе мы исходим из понимания отцовства, зафиксированного в определении *fathering*.

В настоящее время изменение практик отцовства является не только одним из социальных трендов, но и часто попадает в фокус внимания социологических и социально-психологических исследований. На смену классической модели поведения отца как «добытчика» (*breadwinner model*) приходят такие модели, как «полоролевая модель» (*the sex role model*) и «модель воспитателя», предполагающая активную вовлеченность мужчины в воспитательный процесс и равное разделение ответственности по воспитанию и уходу за детьми [19].

Анализируя тенденции отцовства в современной России, А. В. Авдеева выделяет две основные стратегии «вовлеченного отцовства»: «управление» и «исполнение», каждая из которых предполагает активное участие мужчины в жизни семьи. Однако автор отмечает, что ситуация с распространенностью практик вовлеченного отцовства неоднозначна – «... для современного российского общества характерно сосуществование эгалитарных и традиционалистских тенденций» [20, с. 97].

Рассмотрим образ отца у подростков в контексте различных коррелятов благополучия. В исследовании Н. Н. Поскребышевой и Н. Д. Юсифовой, «целью которого стало сопоставление образа детско-родительских отношений в восприятии подростков, проживающих в Москве и Баку, сделан вывод о том, что подростки указывают на довольно высокий уровень воспринимаемого контроля

и требовательности в отношениях, особенно со стороны матери. Таким образом, в обеих выборках мать выступает не только поддерживающей и принимающей, но и наиболее контролирующей» [21, с. 129]. Отцы же менее контролируют их поведение.

Н. Л. Васильева показала, что характер связи между отношением к отцу и уровнем агрессивности у юношей и девушек сходен: «Чем положительнее образ отца, тем ниже агрессивность данной личности. Гендерные различия связаны с более высоким уровнем общей агрессивности, выявленной в группе юношей. Характер связи между положительным образом отца и уверенностью сходен в группе юношей и в группе девушек. Однако у девушек уверенность в себе связана с образом отца значительно больше, чем у юношей» [22, с. 48].

А. А. Реан и И. А. Коновалов на основе опроса респондентов из школ для лиц с девиантным поведением в сопоставлении с нормативными подростками рассмотрели «предположение, что именно фигура отца и его модель поведения выступают одним из главных факторов наличия или отсутствия девиантного поведения в данной возрастной группе. С одной стороны, отец выполняет контролирующие функции, с другой – не менее важна эмоциональная доступность» [23].

О. А. Карабанова и Н. Н. Поскребышева рассмотрели «личностную автономию подростков в контексте социальной ситуации развития и установили, что родители более автономных подростков предпочитают обходиться без односторонне направленного, директивного вмешательства в деятельность ребенка, а, напротив, стараются предоставить ему возможность самому регулировать свои действия» [24]. «Подростки с высокой личностной автономией воспринимают отцов как более эмоционально близких по сравнению с зависимыми подростками, а также характеризуют ниже такие параметры, как директивность, строгость и контроль со стороны отца» [24].

Третьей, но не менее важной содержательной линией настоящей статьи является вопрос благополучия подростков и их семей в контексте проблемного поля урбанистики, учитывающей специфику среды проживания подростка и структурных особенностей его семьи. По данным Левада-центра, мнения родителей по таким вопросам, как право просматривать личную переписку подростка или ограничивать общение с приятелями существенно различаются в контексте размера и типа населенного пункта. Так, рассогласование ответов между респондентами из населенных пунктов с различной численностью населения наблюдается по следующим вопросам: «Как вы считаете, нужно ли предусматривать полную уголовную ответственность для подростков с 16 лет?», «Как вы считаете, имеют ли родители подростка 13–14 лет право физически наказывать подростка?» и «Как вы считаете, имеют ли родители подростка 13–14 лет право забирать заработанные подростком деньги в общий семейный бюджет?»⁵.

В настоящий момент происходит сближение социально-психологических и социологических исследований с проблемным полем урбанистики. Набирают популярность исследования, в фокусе которых находится оценка различных показателей психологического благополучия (индивидуального и семейного), в контексте различных характеристик населенных пунктов [25–28]. Так, в серии исследований Научного центра психического здоровья РАМН, посвященных социодемографическим аспектам гелотофобии в России, показано, что у мужчин гелотофобия более выражена в подростковом возрасте, а у женщин – в юношеском. Как у мужчин, так и у женщин гелотофобия возрастает после 35 лет. Выявлено увеличение гелотофобии с уменьшением численности населенного пункта. Также в указан-

ной серии исследований зафиксированы более выраженные значения гелотофобии у студентов медицинской специальности и менеджеров по сравнению со студентами других профессий [26; 27].

В. А. Капустина и К. С. Манзыркова оценили склонность к различным видам агрессивности в больших и малых городах. Авторы приходят к выводу, что уровень агрессивности как личностной черты у респондентов из большого города выше, чем у респондентов из малого города [28]. В своей работе Т. В. Дробышева и А. Л. Журавлев провели систематический анализ «научных направлений социально-психологического исследования города. В рамках первого кластера, выделенного авторами, рассматриваются исследования, связанные с изучением восприятия города, в частности, его предметно-пространственной, пространственно-временной, социальной среды. В исследованиях, объединенных авторами во второй кластер, образ города выступает фактором социальной идентичности жителей, сождения ими социальных норм поведения, реализации базовых ценностей, психологического и других видов благополучия» [25, с. 208].

Основной линией настоящей статьи является анализ образа детско-родительских отношений у современных подростков, феномена отцовства в контексте тенденции диверсификации моделей семьи, среды проживания подростка и структурных особенностей его семьи. Мы считаем, что учет специфики города, в котором проживает подросток, может служить важным дополнением к рассмотренным выше исследованиям, посвященным различным коррелятам социально-перцептивных образов отцов современных подростков из полных семей. Учет переменной «число детей в семье» мы считаем важным ввиду крайней актуальности многодетных семей в повестке современной семейной

⁵ Левада-центр: аналитический центр Ю. Левады. Права детей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/01/prava-podrostkov/prava-detej> (дата обращения 14.06.2019).

политики РФ⁶. Таким образом, в фокусе настоящей статьи окажутся практики отцовства с точки зрения подростков из полных семей с различным количеством детей и проживающих в населенных пунктах различной численности.

Рассматриваемые в данной статье предположения и их проверка носят предварительный характер и направлены в большей степени на продуцирование и конкретизацию дальнейших гипотез.

Материалы и методы

Исследование было реализовано в форме анонимного онлайн-опроса, проведенного в школах восьми регионов России. Инструкция была озвучена педагогами, осуществляющими замены уроков. Выборку составили 3 526 респондентов (из них 57 % девушек). Средний возраст респондентов составил 16 лет. Границы подросткового возраста рассматриваются в диапазоне от 11 до 19 лет. Также выделяется ранний и старший подростковый возраст – от 10 до 17 лет⁷. В отечественной психолого-педагогической науке подобной

точки зрения по вопросу периодизации подросткового возраста (от 11 до 19 лет) придерживается коллектив авторов монографии «Психология человека от рождения до смерти»⁸.

Для оценки показателей принятия и гиперопеки была использована методика «Юношеский отчет о родительском отношении» в адаптации Т. Н. Тихомировой и С. Б. Малых [11]. Социально-демографический блок вопросов включал информацию о поле, возрасте респондента, а также о количестве детей в семье и типе населенного пункта, в котором проживали респонденты (деревня/село, ПГТ, города с различной численностью населения – от менее 100 тыс. до более 500 тыс. чел.). В исследовании принимали участие респонденты из полных семей.

Анализ данных проводился с помощью следующих методов статистической обработки: критерий Краскела – Уоллеса, множественная линейная регрессия. Обработка данных осуществлялась в R Studio (R version 3.5.2). Используемые в работе условные обозначения представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Условные обозначения
T a b l e 1. Legend

Условное обозначение / Legend	Расшифровка / Transcript
Тип_НП / City_type	Тип населенного пункта / City type
Тип_НП_село / City_type_village	Деревня или село / Village
Тип_НП_ПГТ / City_type_settlement	Поселок городского типа / Settlement
Тип_НП_малый / City_type_small	Малый или средний город (до 100 тыс. чел.) / Small city (less than 100 thousand people)
Тип_НП_средний / City_type_middle	Большой или крупный город (от 100 до 500 тыс. чел.) / Middle city (from 100 to 500 thousand people)
Тип_НП_крупный / City_type_big	Очень крупный город (от 500 тыс. чел.) / Big city (more than 500 thousand people)
Кол-во_детей / N_child	Количество детей в семье / Number of children in the family

⁶ См. например, «Путин предложил воспитать поколение в духе ценностей многодетной семьи». Подробнее на РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dc40e8f9a79473f0045fd92> (дата обращения 20.04.2020).

⁷ Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000. 624 с.

⁸ Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. СПб.: ПраймЕврознак, 2002. 656 с.

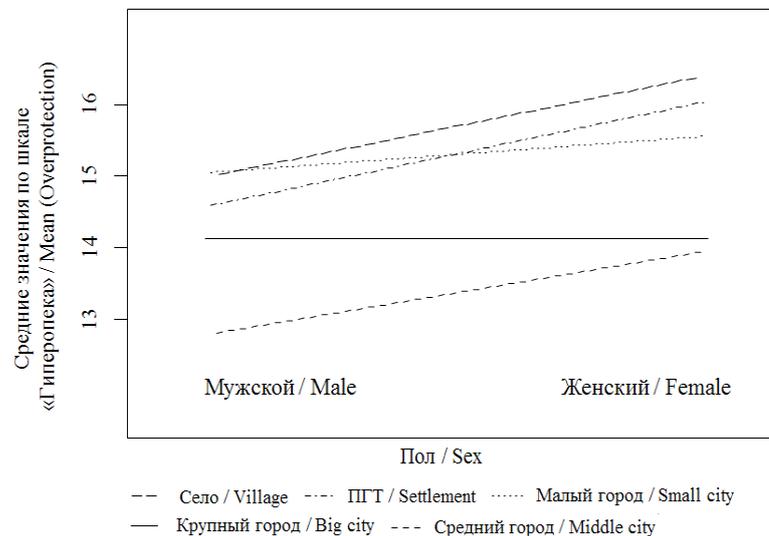
Результаты исследования

На первом этапе исследования значения принятия и гиперопеки были рассмотрены обособленно только в контексте различных социально-демографических показателей, в частности пола респондентов, числа детей в семье, населенного пункта, в котором они проживают. Было установлено, что показатели принятия со стороны отца связаны с полом респондента – девушки по сравнению с юношами статистически значимо выше оценивают отцов по шкале «принятие со стороны отца» ($H=20,02, df=1, p<0,01$). Вариация в контексте типа населенного

пункта в рамках исследования не выявлена.

Значения гиперопеки со стороны отца варьируются в контексте пола ($H=6,0172, df=1, p=0,014$) и типа населенного пункта ($H=63,549, df=4, p<0,001$) (рис. 1).

Показатели гиперопеки в деревне/селе, ПГТ и городе с населением до 100 тыс. чел. выше, чем у городов с населением от 100 до 500 тыс. и более 500 тыс. чел. При этом оказывается значимым взаимодействие факторов – величина зависимой переменной (оценка гиперопеки со стороны отца) ниже по сравнению со средними значениями в случае девушек в городах с населением более 500 тыс. чел. (табл. 2).

Р и с. 1. Средние значения по шкале «гиперопека со стороны отца» в контексте пола респондентов и типа населенного пункта

F i g. 1. Averages of the scale “overprotection by father” in the context of the gender of the respondents and the type of inhabited locality

Т а б л и ц а 2. Результаты оценивания параметров модели 1⁹

T a b l e 2. Model 1 estimation

Модель 1 / Model 1				
	Estimate	Std. Error	t value	Pr> t
1	2	3	4	5
(Intercept)	14,97727	0,39752	37,677	< 2e-16***
Пол женский / Female	1,43705	0,51451	2,793	0,00525**
Тип_НП_ПГТ / City_type	-0,42253	0,68010	-0,621	0,53446

⁹ В рамках модели 1 оценивалась связь переменной «гиперопека со стороны отца» с такими параметрами, как пол респондента и численность населенного пункта, в котором он проживает.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5
Тип_НП_малый / City_type_small	0,06565	0,58058	0,113	0,90998
Тип_НП_средний / City_type_middle	-2,19654	0,54463	-4,033	5,62e-05***
Тип_НП_крупный / City_type_big	-0,84801	0,48262	-1,757	0,07899
Пол женский: Тип_НП_ПГТ / Female: City_type_settlement	0,05669	0,90668	0,063	0,95015
Пол женский: Тип_НП_малый / Female: City_type_small	-0,92441	0,72885	-1,268	0,20477
Пол женский: Тип_НП_средний / Female: City_type_middle	-0,26126	0,70624	-0,370	0,71146
Пол женский: Тип_НП_крупный / Female: City_type_big	-1,44575	0,64310	-2,248	0,2463*
Residual standard error: 6,459 on 3 516 degrees of freedom				
Multiple R-squared	0,02374			
Adjusted R-squared	0,02124			
F-statistic: 9,499 on 9 and 3 516 DF, $p < 0,01$				

Примечание: Intercept – свободный коэффициент; то, чему равна зависимая переменная, если предиктор равен нулю. Обычно всегда приводится в моделях. Estimate – оценка среднего по зависимой переменной в контексте каждого из предикторов в модели, Std. Error – стандартная ошибка, t value – критерий, основанный на t распределении Стьюдента, $\Pr(>|t|)$ – уровень значимости (вероятность истинности нуль-гипотезы), Residual standard error – квадратный корень из остаточной суммы квадратов, деленной на остаточные степени свободы. Среднеквадратичная ошибка, Multiple R-squared – коэффициент детерминации, Adjusted R-squared – скорректированный коэффициент детерминации, F-statistic используется для оценки значимости модели регрессии в целом, является соотношением объясненной дисперсии к необъясненной, p-value – уровень значимости (вероятность того, что модель ошибочна), *** – значимость на уровне $< 0,001$, ** – значимость на уровне $< 0,01$, * – значимость на уровне $< 0,05$.

Note: Intercept – the free coefficient; what the dependent variable is equal if the predictor is zero. Usually it is always given in models. Estimate – estimation of the average for the dependent variable in the context of each of the predictors in the model, Std. Error – standard error, t value – t-Student distribution criterion, $\Pr(>|t|)$ – significance level (probability of null hypothesis truth), Residual standard error – the square root of the residual sum of squares divided by the residual degrees of freedom. Mid-square error, Multiple R-squared – determination coefficient, Adjusted R-squared – adjusted determination coefficient, F-statistic is used to assess the significance of the regression model as a whole, is the ratio of the explained dispersion, to the unexplained variance, p-value – level of significance (probability that the model is erroneous), *** – worthiness at the level $< 0,001$, ** – worthiness at the level $< 0,01$, * – worthiness at the level $< 0,05$.

В рамках исследования также было установлено, что показатели гиперопеки варьируются в зависимости от количества детей в семье ($H = 19,129$, $df = 2$, $p < 0.001$). Оценка контролирующего поведения со стороны отцов выше в полных семьях с количеством детей «3 и более» (табл. 3).

Рассматривая взаимодействие факторов, отметим, что контроль и гиперопека оцениваются подростками ниже, чем при сочетании таких уровней факторов, как «количество детей в семье: 3 и более» и «Тип_НП_большой» (табл. 3 и рис. 2).

Т а б л и ц а 3. Результаты оценивания параметров модели 2¹⁰

T a b l e 3. Model 2 estimation

Модель 2 / Model 2				
	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
(Intercept)	14,3103	0,6931	20,646	< 2e-16***
Кол-во детей_2 / N_child_2	1,3788	0,7838	1,759	0,07866
Кол-во детей_3 и более / N_child_3 or more	2,2209	0,8023	2,768	0,00567**
Тип_НП_ПГТ / City_type_settlement	-0,3493	1,0116	-0,345	0,72988
Тип_НП_малый / City_type_small	0,8573	0,8449	1,015	0,31038
Тип_НП_средний / City_type_middle	-1,3175	0,7932	-1,661	0,09681
Тип_НП_крупный / City_type_big	-0,1395	0,7651	-0,182	0,85535
Кол-во детей_2: Тип_НП_ПГТ / N_child_2: City_type_settlement	0,7016	1,1851	0,592	0,55387
Кол-во детей_3 и более: Тип_НП_ПГТ / N_child_3 or more: City_type_settlement	-0,8962	1,3903	-0,645	0,51920
Кол-во детей_2: Тип_НП_малый / N_child_2: City_type_small	-1,1011	0,9733	-1,131	0,25802
Кол-во детей_3 и более: Тип_НП_малый / N_child_3 or more: City_type_small	-1,8660	1,1197	-1,666	0,09570
Кол-во детей_2: Тип_НП_средний / N_child_2: City_type_middle	-0,7059	0,9358	-0,754	0,45074
Кол-во детей_3 и более: Тип_НП_средний / N_child_3 or more: City_type_middle	-0,9696	1,1307	-0,858	0,39121
Кол-во детей_2: Тип_НП_крупный / N_child_2: City_type_big	-1,4063	0,8888	-1,582	0,11367
Кол-во детей_3 и более: Тип_НП_крупный / N_child_3 or more: City_type_big	-2,4918	1,0345	-2,409	0,01606*

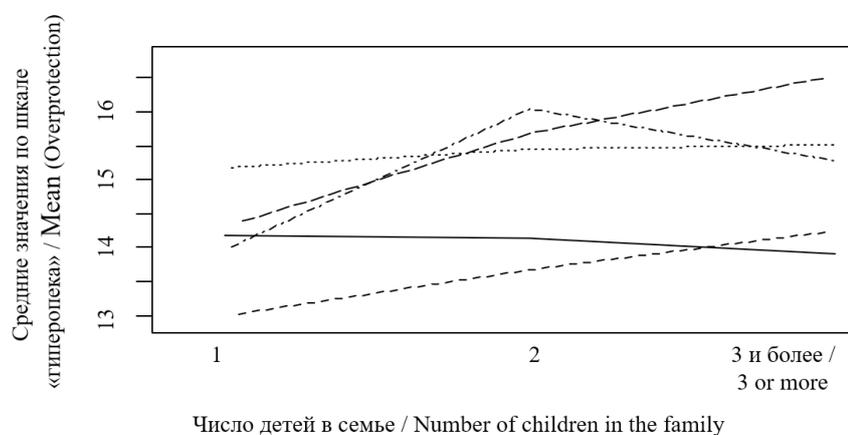
Residual standard error: 6,465 on 3 511 degrees of freedom

Multiple R-squared 0,02328

Adjusted R-squared 0,01939

F-statistic: 5,978 on 14 and 3 511 DF, $p < 0,01$

¹⁰ В рамках модели 2 оценивалась связь переменной «гиперопека» с такими параметрами, как число детей в семье и численность населенного пункта, в котором проживает респондент.

Р и с. 2. Средние значения по шкале «гиперопека со стороны отца» в контексте числа детей в семье и типа населенного пункта

Fig. 2. Averages of the scale “overprotection by father” in the context of the number of children in the family and the type of inhabited locality

Значимыми лишь на уровне тенденции оказались данные о связи переменных воспринимаемой гиперопеки и «Тип_НП_средний», а также взаимодействия переменных «количество детей в семье – 3 и более» и «Тип_НП_малый»: в обоих случаях зафиксировано снижение показателей гиперопеки по сравнению с базовым уровнем указанных факторных переменных (табл. 3).

На втором этапе исследования была поставлена задача рассмотреть показатели гиперопеки и принятия в соотношении друг с другом, в связи с чем в модель множественной регрессии включена переменная «принятие» в качестве предиктора наравне с указанными выше социально-экономическими параметрами. Показатели модели представлены в таблице 4.

Т а б л и ц а 4. Результаты оценивания параметров модели 3¹¹

Table 4. Model 3 estimation

Модель 3 / Model 3				
	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)
1	2	3	4	5
(Intercept)	29,8917342	1,1900364	25,118	< 2e-16***
Принятие / Acceptance	-0,6251316	0,0472290	-13,236	< 2e-16***
Тип_НП_ПГТ / City_type_settlement	-2,6458054	1,4771694	-1,791	0,073358
Тип_НП_малый / City_type_small	-3,4659703	1,1801579	-2,937	0,003337**
Тип_НП_средний / City_type_middle	-4,4097727	1,1838498	-3,725	0,000198***
Тип_НП_большой / City_type_big	-2,5515745	1,0908433	-2,339	0,019387*

¹¹ В рамках модели 3 оценивалась связь переменной «гиперопека со стороны отца» с такими параметрами, как показатели принятия со стороны отца, пол респондента и численность населенного пункта, в котором проживает респондент.

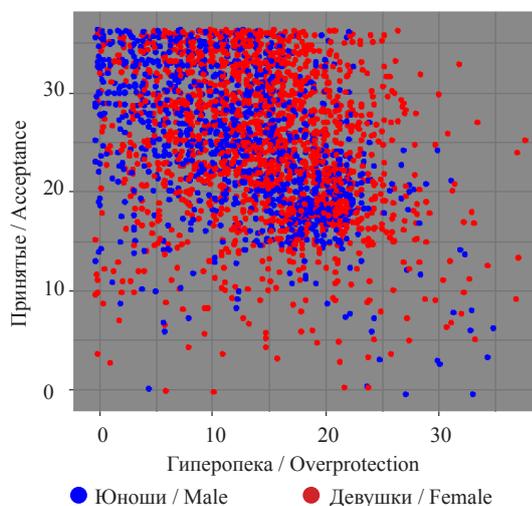
1	2	3	4	5
Пол женский / Female	-5,7472844	0,7104038	-8,090	8,13e-16***
Кол-во_детей_2 / N_child_2	0,3610484	0,8058552	0,448	0,654158
Кол-во_детей_3 и более / N_child_3 or more	-0,6458940	1,0731240	-0,602	0,547292
Принятие: Тип_НП_ПГТ / Acceptance: City_type_settlement	0,0810966	0,0596183	1,360	0,173834
Принятие: Тип_НП_малый / Acceptance: City_type_small	0,1166429	0,0469554	2,484	0,013034*
Принятие: Тип_НП_средний / Acceptance: City_type_middle	0,0954687	0,0465241	2,052	0,040241*
Принятие: Тип_НП_большой / Acceptance: City_type_big	0,0310218	0,0433961	0,715	0,474748
Принятие: Пол женский / Acceptance: Female	0,2865118	0,0285994	10,018	< 2e-16***
Принятие: Кол-во_детей_2 / Acceptance: N_child_2	-0,0003814	0,0320174	-0,012	0,990496
Принятие: Кол-во_детей_3 и более / Acceptance: N_child_3 or more	0,0467640	0,0428129	1,092	0,274782
Residual standard error: 5,784 on 3 510 degrees of freedom				
Multiple R-squared	0,2185			
Adjusted R-squared	0,2151			
F-statistic: 65,42 on 15 and 3 510 DF, $p < 0,01$				

В результате проведенного анализа выявлено, что значимыми предикторами показателей гиперопеки со стороны отца являются следующие переменные: принятие со стороны отца, женский пол, тип населенного пункта (разница по сравнению с базовым уровнем (деревня/село) зафиксирована практически на каждом из уровней фактора – малый, средний и большой город. На уровне ПГТ различий выявлено не было). Также значимым предиктором оказалось взаимодействие следующих факторов: показатели принятия со стороны отца и Тип_НП_малый/Тип_НП_средний/пол женский (табл. 4). Отметим, что процент объясненной дисперсии модели 3 существенно выше соответствующего показателя моделей 1 и 2 (21 % против 2 %), что свидетельствует о более высоком качестве модели 3. При этом структура значимых предикторов в рамках моделей 1 и 3 совпадает лишь частично.

Переменная «пол» оказывается значимой во всех рассматриваемых моделях. На рисунке 3 представлено распределение данных по юношам и девушкам в контексте соотношения показателей «гиперопека/принятие со стороны отцов».

Значительную долю составляют юноши, низко оценивающие своих отцов по шкале «гиперопека» (до значения 10), однако по шкале «принятие» их оценка выше (баллы от 20 и выше). Высокие баллы имеют девушки, оценившие гиперопеку со стороны отца в диапазоне от 10 до 20. С нашей точки зрения, указанное распределение (рис. 3) вполне однозначно визуализирует данные, полученные о значимости переменной «пол» в рамках проведенного анализа ($H = 6,0172$, $df = 1$, $p = 0,014$).

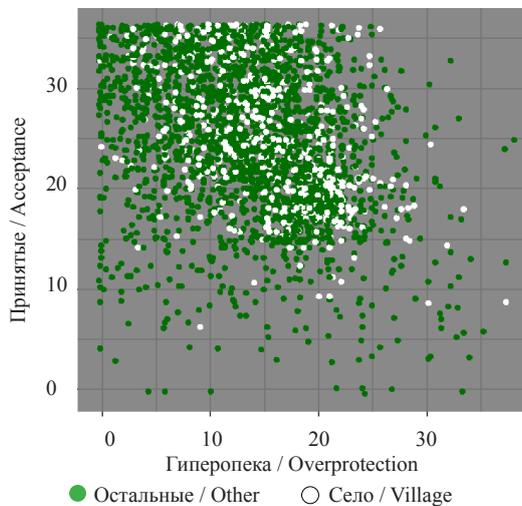
Рассмотрим соотношение «принятие/гиперопека» со стороны отца в контексте различных уровней фактора «тип населенного пункта» (средний (рис. 5) и крупный (рис. 6) город по сравнению с базовым уровнем (деревня/село) (рис. 4).

● Юноши / Male ● Девушки / Female

Р и с. 3. Соотношение принятия/гиперопеки со стороны отца у юношей и девушек

F i g. 3. The ratio of acceptance/overprotection by father among male and female respondents

● Остальные / Other ○ Село / Village

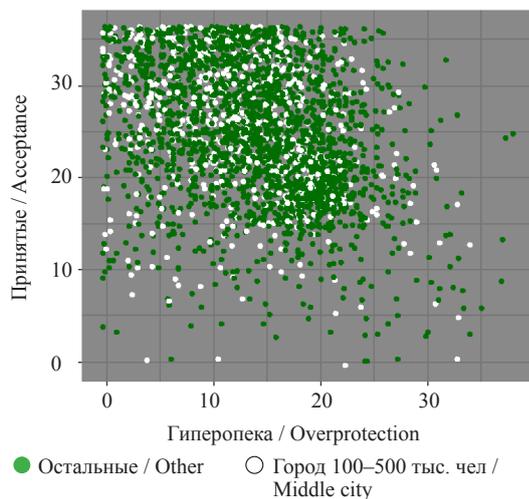
Р и с. 4. Соотношение принятия/гиперопеки со стороны отца у подростков, проживающих в деревне/селе

F i g. 4. The ratio of acceptance / overprotection by father among respondents from villages

На основании сравнения распределений было выявлено, что респонденты, проживающие в деревне/селе, в основном оценивают воспринимаемую гиперопеку со стороны отцов в диапазоне от 5 до 20 баллов; городские респонденты – от 0 до 20 (рис. 5). В целом также можно утверждать, что для города с населением от 100 до 500 тыс. чел. характерен более

широкий разброс рассматриваемого показателя. Соответствующие расчеты представлены в таблице 4.

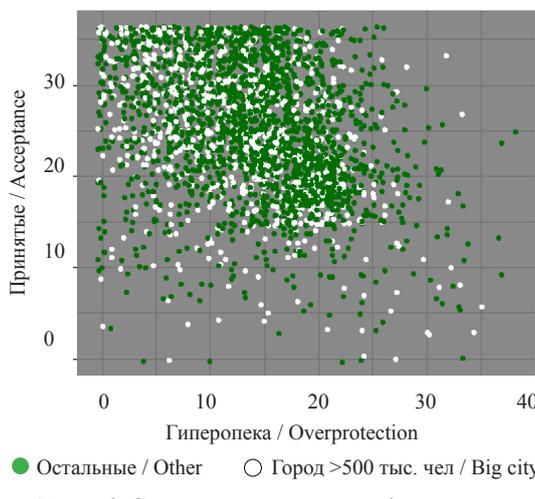
В случае города с населением от 500 тыс. чел. (рис. 6) отметим, что значительный массив данных характеризуется низкими значениями по шкале «гиперопека» и высокими по шкале «принятие со стороны отца» по сравнению с рас-

● Остальные / Other ○ Город 100–500 тыс. чел. / Middle city

Р и с. 5. Соотношение принятия/гиперопеки со стороны отца у подростков, проживающих в городах с населением 100–500 тыс. чел.

F i g. 5. The ratio of acceptance/overprotection by father among respondents from cities with 100–500 thousand people population

● Остальные / Other ○ Город >500 тыс. чел. / Big city

Р и с. 6. Соотношение принятия/гиперопеки со стороны отца у подростков, проживающих в городах с населением более 500 тыс. чел.

F i g. 6. The ratio of acceptance/overprotection by father among respondents from cities with more than 500 thousand people population

пределением аналогичного показателя в деревне/селе. Соответствующие расчеты представлены в таблице 4.

Таким образом, в рамках исследования были выявлены связи переменной «воспринимаемая гиперопека со стороны отца» с переменными «пол» и «число детей в семье». Особый интерес представляет факт снижения воспринимаемой гиперопеки в семьях респондентов из городов с численностью населения более 500 тыс. чел. Также были рассмотрены различные варианты соотношения воспринимаемой гиперопеки и принятия со стороны отца у респондентов, проживающих в городах с различной численностью населения.

Обсуждение и заключение

В рамках исследования было установлено, что девушки, по сравнению с юношами, статистически значимо выше оценивают показатели принятия и гиперопеки со стороны отцов. Увеличение показателей по рассматриваемым шкалам может быть связано со спецификой возраста испытуемых – в подростковый период происходит активная перестройка существующей системы взаимоотношений с родителями. Возможно, отцы сыновей в большей степени представляют происходящее со своими детьми подросткового возраста, а отцы дочерей – в меньшей. С другой стороны, для подросткового возраста характерна реакция эмансипации¹², отдаления от семьи, происходит, как говорят некоторые возрастные психологи, обесценивание семьи. Вместе с тем в различных российских и европейских исследованиях¹³ было показано, что во многих жизненных ситуациях (особенно в проблемных) семья для подростков выходит на первое место [29]. Такая тенденция более характерна именно для девушек.

При оценке связи значений контроля («гиперопеки») со стороны отца

и типа населенного пункта, в котором проживает подросток, было выявлено, что респонденты в селе или деревне, ПГТ или малом городе (до 100 тыс. чел.) выше оценивают показатели контроля («гиперопеки») со стороны отцов. При этом в случае крупного города (от 500 тыс. чел.) нивелируется связь с полом – как юноши, так и девушки дают в среднем одинаковые оценки показателям «гиперопеки со стороны отцов» (см. рис. 1 и табл. 2).

Увеличение показателей воспринимаемой «гиперопеки» в случае малых населенных пунктов (деревня/село, ПГТ, город с населением менее 100 тыс. чел.) является скорее контринтуитивным, чем ожидаемым результатом. С другой стороны, эти результаты могут быть достаточно обоснованно проинтерпретированы с точки зрения социально-психологических и культурных установок. Мы имеем ввиду то обстоятельство, что именно для деревень и малых населенных пунктов более характерны традиционные семейные установки и более консервативные взгляды на воспитание. В этой связи относительно высокий контроль за поведением подростков вполне соответствует таким установкам. В среде современных родителей, проживающих в больших городах, значительно распространены либеральные ценности, охватывающие, в том числе и сферу воспитания. Автономность личности, предоставление ей максимальной свободы, установки об уважении личности ребенка, которое выражается в минимизации контроля – все эти представления, выраженные в сознании родителя, вполне могут быть положены в основу объяснения полученных данных.

Интересным выглядит факт, полученный относительно нивелирования связи с полом респондентов в случае крупного города (см. рис. 1 и табл. 2). Вероятно, воспитательные практики родителей в крупных городах являются в большей степени диверсифицирован-

¹² См. например, *Кон И. С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.

¹³ См. например, *Реминидт Х.* Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. М.: Мир, 1994. 320 с.

ными по сравнению таковыми у родителей из малых населенных пунктов, что сглаживает различия в восприятии контроля со стороны родителей между юношами и девушками. Однако данное предположение требует проведения отдельного исследования.

Рассмотрим полученный факт, касающийся повышения уровня воспринимаемой гиперопеки респондентами из семей с количеством детей «3 и более». Можно предположить, что контроль со стороны отцов осуществляется не напрямую, а посредством привлечения старшего ребенка к уходу за более младшими и, следовательно, воспринимается как гиперопека. Однако на данный момент это лишь предположение.

Не меньший интерес представляет обратная тенденция, характерная для крупных городов – в семьях с большим количеством детей (3 и более) показатели воспринимаемой гиперопеки со стороны отца снижаются. Иными словами, в многодетных семьях в крупных городах родители, по-видимому, несколько реже реализуют практики контроля поведения по отношению к подросткам 16 лет. Вероятно, это может быть также связано с тем, что дети этого возраста могут быть включены и в воспитательный процесс по уходу за младшими братьями или сестрами – в этом случае снижение контролирующего поведения может указывать на выстраивание скорее партнерских отношений со старшими детьми в семье.

Необходимо также рассмотреть и ограничения полученных результатов: отметим некоторое преобладание девушек в выборке, а также достаточно слабую объяснительную способность моделей, поскольку значения Multiple R-squared в моделях 1 и 2 существенно меньше единицы. В связи с этим можно сделать вывод о предварительном характере полученных результатов.

Включение в модель 3 показателя принятия со стороны отца в качестве предиктора позволяет существенно повысить процент объясненной дисперсии. В рамках указанной модели

выделены значимые связи между зависимой переменной (гиперопека со стороны отца) и множеством предикторов: принятие со стороны отца, женский пол, тип населенного пункта. Полученная в рамках модели констелляция предикторов позволяет сделать ряд предположений. В частности, в настоящий момент в РФ существуют различия между практиками контроля за поведением подростков в контексте специфики населенного пункта, в котором проживает семья. При этом фактор пола оказывается значимым сам по себе на всех этапах проведенного анализа, что может свидетельствовать о различных паттернах контролирующего поведения в отношении юношей и девушек или же о системно различном характере восприятия практик контроля со стороны отцов по отношению к юношам и девушкам шестнадцати лет.

Показатели «принятия» и «гиперопеки» со стороны отца оказываются в разной степени «чувствительными» в контексте показателей условий жизни семьи, что выявлено на различных этапах проведенного анализа. Как по шкале «принятие», так и по шкале «гиперопека» получены значимые различия в контексте пола респондентов – отцы склонны в большей степени как относятся с принятием, так и с большим уровнем гиперопеки по отношению к дочерям возраста 16 лет. При этом по шкале «принятие» они отсутствуют по остальным исследуемым факторам (число детей в семье и тип населенного пункта). В то время как по показателям «гиперопеки» получен ряд значимых результатов в контексте параметров условий жизни современных подростков – структурных характеристик семьи, размера населения города, а также взаимодействия этих факторов. Полученные данные свидетельствуют в пользу того, что «принятие» родителями в большей степени обусловлено психологическими особенностями взаимодействия в семье, в то время как показатели «гиперопеки» значимо связаны, в том числе и со средними факторами.

Статья может представлять интерес в контексте психолого-педагогических исследований семьи и подростков, а также в контексте проблем молодежной и семейной политики, привлекая внимание к теме последствий неравенства между городами с различной численностью населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Perception of Caregiving During Childhood is Related to Later Executive Functions and Antisocial Behavior in At-Risk Boys / A. Harwood-Gross, B. Lambez, R. Feldman, Y. Rassovsky. – DOI 10.3389/fpsy.2020.00037 // *Frontiers in Psychiatry*. – 2020. – Vol. 11. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsy.2020.00037/full> (дата обращения: 25.12.2019).
2. Поливанова, К. Н. Детство в меняющемся мире / К. Н. Поливанова. – DOI 10.17759/jmfr.2016050201 // Современная зарубежная психология. – 2016. – Т. 5, № 2. – С. 5–10. – URL: https://psyjournals.ru/files/82357/jmfr_2016_n_2_Polivanova.pdf (дата обращения: 25.12.2019). – Рез. англ.
3. Поливанова, К. Н. Взросление пятиклассников: 1960-е vs 2010-е / К. Н. Поливанова, А. А. Бочавер, А. К. Нисская. – DOI 10.17323/1814-9545-2017-2-185-205 // Вопросы образования. – 2017. – № 2. – С. 185–205. – URL: <https://vo.hse.ru/2017--2/207116214.html> (дата обращения: 25.12.2019). – Рез. англ.
4. Hayes, D. Diffractive Accounts of Inequality in Education: Making the Effects of Differences Evident / D. Hayes, D. Talbot, E. Mayes. – DOI 10.1080/09518398.2019.1676481 // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. – 2020. – Vol. 33, issue 3. – Pp. 357–371. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09518398.2019.1676481?journalCode=tqse20> (дата обращения: 25.12.2019).
5. Uchida, Y. Inequality and Education Choice / Y. Uchida, T. Ono. – DOI 10.1007/s10797-019-09584-3 // *International Tax and Public Finance*. – 2020. – Vol. 27. – Pp. 980–1018. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10797-019-09584-3> (дата обращения: 25.12.2019).
6. Фрумин, И. Д. Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ / И. Д. Фрумин, М. А. Пинская, С. Г. Косарецкий // Народное образование. – 2012. – № 1. – С. 17–24. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/xtmfig4m85/direct/59878503.pdf> (дата обращения: 25.12.2019).
7. Образовательные результаты и социальное неравенство в России / А. В. Капуза, Ю. Д. Керша, А. Б. Захаров, Т. Е. Хавенсон. – DOI 10.17323/1814-9545-2017-4-10-35 // Вопросы образования. – 2017. – № 4. – С. 10–35. – URL: <https://vo.hse.ru/2017--4/213247668.html> (дата обращения: 25.12.2019). – Рез. англ.
8. Fernández-Molina, E. Juvenile Crime Drop: What is Happening with Youth in Spain and Why? / E. Fernández-Molina, R. Bartolomé Gutiérrez. – DOI 10.1177/1477370818792383 // *European Journal of Criminology*. – 2020. – Vol. 17, issue 3. – Pp. 306–331. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1477370818792383> (дата обращения: 01.05.2020).
9. A Global Perspective on Young People as Offenders and Victims: First Results from the ISRD3 study / D. Enzmann, J. Kivivuori, I. Haen Marshall [et al.]. – DOI 10.1007/978-3-319-63233-9. – Springer, 2018. 85 p. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-63233-9#about> (дата обращения: 25.12.2019).
10. Parker, G. A Parental Bonding Instrument / G. Parker, H. Tupling, L. B. Brown. – DOI 10.1111/j.2044-8341.1979.tb02487.x // *British Journal of Medical Psychology*. – 1979. – Vol. 52, issue 1. – Pp. 1–10. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.2044-8341.1979.tb02487.x> (дата обращения: 25.12.2019).
11. Tikhomirova, T. Adaptation of the Russian-Language Version of the Parental Bonding Instrument / T. Tikhomirova, S. Malykh. – DOI 10.15405/epsbs.2018.11.02.78 // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. – 2018. – No. 78. – Pp. 671–678. – URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/ICPE2018F078.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).
12. Parker, G. The Parental Bonding Instrument: A Decade of Research / G. Parker. – DOI 10.1007/BF00782881 // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology: The International Journal for Research in Social and Genetic Epidemiology and Mental Health Services*. – 1990. – Vol. 25. – Pp. 281–282. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2FBF00782881> (дата обращения: 20.11.2019).
13. Parental Bonding and Hoarding in Obsessive-Compulsive Disorder / D. Chen, J. Bienvenu, J. Krasnow [et al.]. – DOI 10.1016/j.comppsy.2016.11.004 // *Comprehensive Psychiatry*. – 2017. – Vol. 73. –

Pp. 43–52. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0010440X16304722?via%3Dihub> (дата обращения: 20.11.2019).

14. Parental Bonding, Childhood Maltreatment and Eating Disorder Psychopathology: An Investigation of Their Interactions / A. M. Monteleone, V. Ruzzi, G. Patriciello. – DOI 10.1007/s40519-019-00649-0 // Eating and Weight Disorders-Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity. – 2020. – Vol. 25. – Pp. 577–589. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs40519-019-00649-0> (дата обращения: 01.05.2020).

15. A Study of Emotional Intelligence and Perceived Parenting Styles Among Adolescents in a Rural Area in Karnataka / N. George, D. N. Shanbhag, M. George [et al.]. – DOI 10.4103/jfmpc.jfmpc_100_17 // Journal of Family Medicine and Primary Care. – 2017. – Vol. 6, issue 4. – Pp. 848–852. – URL: <http://www.jfmpc.com/text.asp?2017/6/4/848/225512> (дата обращения: 22.03.2020).

16. Maternal Bonding Behavior, Adult Intimate Relationship, and Quality of Life / M. Schmoeger, M. Deckert, P. Wagner [et al.]. – DOI 10.1007/s40211-017-0258-6 // Neuropsychiatrie. – 2018. – Vol. 32, issue 1. – Pp. 26–32. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40211-017-0258-6> (дата обращения: 22.03.2020).

17. Поливанова, К. Н. Современное родительство как предмет исследования / К. Н. Поливанова. – DOI 10.17759/psyedu.2015070301 // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 7, № 3. – С. 1–11. – URL: https://psyjournals.ru/files/77847/psyedu_3_2015_Polivanova.pdf (дата обращения: 25.12.2019). – Рез. англ.

18. Schoppe-Sullivan, S. J. The Evolution of Fathering Research in the 21st Century: Persistent Challenges, New Directions / S. J. Schoppy-Sullivan, J. Fagan. – DOI 10.1111/jomf.12645 // Journal of Marriage and Family. – 2020. – Vol. 82, issue 1. – Pp. 175–197. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jomf.12645> (дата обращения: 22.03.2020).

19. Åberg, P. What Should a Russian Father Be Like? Exploring Fatherhood Norms and Identifying Norm Patterns among Inhabitants of Saint Petersburg / P. Åberg, J. Ekman, J. Rodin. – DOI 10.1177/0192512116684345 // International Political Science Review. – 2018. – Vol. 39, issue 4. – Pp. 487–502. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0192512116684345> (дата обращения: 25.12.2019).

20. Авдеева, А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми / А. В. Авдеева // Социологические исследования. – 2012. – № 11. – С. 95–104. – URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_11/Avdeeva.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

21. Поскребышева, Н. Н. Образ детско-родительских отношений у подростков: кросс-культурный аспект / Н. Н. Поскребышева, Н. Д. Юсифова // Мир психологии. – 2018. – № 1. – С. 126–134. – URL: <https://www.mpsu.ru/upload/iblock/48d/48d49dfc6ce66ca829e30eb60170ce14.pdf> (дата обращения: 26.03.2020).

22. Васильева, Н. Л. Исследование образов родителей / Н. Л. Васильева // Вопросы психического здоровья детей и подростков (Научно-практический журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин). – 2012. – № 2. – С. 45–50. – URL: <http://psychildhealth.ru/2012-02.pdf> (дата обращения: 26.03.2020).

23. Реан, А. А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков / А. А. Реан, И. А. Коновалов. – DOI 10.17759/sps.2018090205 // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 60–80. – URL: https://psyjournals.ru/social_psy/2018/n2/Rean_Konovarov.shtml (дата обращения: 25.12.2019). – Рез. англ.

24. Поскребышева, Н. Н. Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития / Н. Н. Поскребышева, О. А. Карабанова. – DOI 10.11621/npj.2014.0404 // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – С. 34–41. – URL: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=5778> (дата обращения: 25.12.2019). – Рез. англ.

25. Дробышева, Т. В. Город как объект исследования в социальной психологии / Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев // Социальная и экономическая психология. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 196–213. – URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document205.pdf> (дата обращения: 11.11.2019). – Рез. англ.

26. Диагностика страха выглядеть смешным: русскоязычная адаптация опросника гелотофобии / Е. А. Стефаненко, Е. М. Иванова, С. Н. Ениколопов [и др.] // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 2. – С. 94–108. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16331527> (дата обращения: 10.09.2019). – Рез. англ.

27. Стефаненко, Е. А. Социодемографические аспекты гелотофобии в России / Е. А. Стефаненко, С. Н. Ениколопов, Е. М. Иванова // Вопросы психологии. – 2013. – № 2. – С. 104–111. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21195740> (дата обращения: 10.09.2019). – Рез. англ.

28. Капустина, В. А. Сравнительный анализ выраженности агрессивности у жителей большого и малого городов / В. А. Капустина, К. С. Манзыркова // Социальная и экономическая психология. – 2018. – Т. 1. – С. 338–348. – URL: <http://ipras.ru/engine/documents/document13424.pdf#page=338> (дата обращения: 11.11.2019).

29. Реан, А. А. Семья в структуре ценностей молодежи / А. А. Реан. – DOI 10.21702/rpj.2017.1.4 // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 62–76. – URL: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/587> (дата обращения: 10.09.2019). – Рез. англ.

Поступила 18.02.2020; принята к публикации 27.04.2020; опубликована онлайн 30.09.2020.

Об авторах:

Реан Артур Александрович, заведующий лабораторией профилактики асоциального поведения института образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), председатель научно-координационного совета Российской академии образования (РАО) по вопросам семьи и детства, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, Scopus ID: 6507072773, Researcher ID: A-5349-2015**, arean@hse.ru

Коновалов Иван Александрович, аналитик лаборатории профилактики асоциального поведения института образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>, Scopus ID: 55948993400, Researcher ID: AАН-2741-2019**, iv.konovarov@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Реан Артур Александрович – организация и формулирование основной концепции исследования; утверждение методологии; научное руководство; подготовка окончательной редакции текста.

Коновалов Иван Александрович – обработка данных; поиск аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках; подготовка первоначальных выводов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Harwood-Gross A., Lambez B., Feldman R., Rassevsky Y. Perception of Caregiving During Childhood is Related to Later Executive Functions and Antisocial Behavior in At-Risk Boys. *Frontiers in Psychiatry*. 2020; 11:37. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.3389/fpsy.2020.00037>
2. Polivanova K.N. Childhood in a Changing World. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*. 2016; 5(2):5-10. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>
3. Polivanova K.N., Bocharov A.A., Nisskaja A.K. Fifth-Graders Moving into Adulthood: The 1960s vs the 2010s. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. 2017; (2):185-205. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-185-205>
4. Hayes D., Talbot D., Mayes E. Diffractive Accounts of Inequality in Education: Making the Effects of Differences Evident. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2020; 33(3):357-371. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1080/09518398.2019.1676481>
5. Uchida Y., Ono T. Inequality and Education Choice. *International Tax and Public Finance*. 2020; 27:980-1018. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1007/s10797-019-09584-3>
6. Frumin I.D., Pinskaya M.A., Kosarecki S.G. [Socio-Economic and Territorial Inequalities among Pupils and Schools]. *Narodnoye obrazovaniye = Public Education*. 2012; (1):17-24. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/xmfig4m85/direct/59878503.pdf> (accessed 25.12.2019). (In Russ.)
7. Kapuza A.V., Kersha Yu.D., Zakharov A.B., Havenson T.E. Educational Attainment and Social Inequality in Russia: Dynamics and Correlations with Education Policies. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. 2017; (4):10-35. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-10-35>
8. Fernández-Molina E., Bartolomé Gutiérrez R. Juvenile Crime Drop: What Is Happening With Youth in Spain and Why? *European Journal of Criminology*. 2020; 17(3):306-331. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1177/1477370818792383>

9. Enzmann D., Kivivuori J., Marshall I.H., Steketee M., Hough M., Killias M. A Global Perspective on Young People as Offenders and Victims: First Results from the ISRD3 study. Springer; 2018. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1007/978-3-319-63233-9>
10. Parker G., Tupling H., Brown L.B. A Parental Bonding Instrument. *British Journal of Medical Psychology*. 1979; 52(1):1-10. DOI: <http://doi.org/10.1111/j.2044-8341.1979.tb02487.x>
11. Tikhomirova T., Malykh S. Adaptation of the Russian-Language Version of the Parental Bonding Instrument. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018; (78):671-678. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.15405/epsbs.2018.11.02.78>
12. Parker G. The Parental Bonding Instrument: A Decade of Research. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology: The International Journal for Research in Social and Genetic Epidemiology and Mental Health Services*. 1990; 25:281-282. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1007/BF00782881>
13. Chen D., Bienvenu O.J., Krasnow J., et al. Parental Bonding and Hoarding in Obsessive–Compulsive Disorder. *Comprehensive Psychiatry*. 2017; 73:43-52. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1016/j.comppsy.2016.11.004>
14. Monteleone A.M., Ruzzi V., Patriciello G. et al. Parental Bonding, Childhood Maltreatment and Eating Disorder Psychopathology: An Investigation of Their Interactions. *Eating and Weight Disorders–Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity*. 2020; 25:577-589. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1007/s40519-019-00649-0>
15. George N., Shanbhag D.N., George M., Shaju A.C., Johnson R.C., Mathew P.T. et al. A Study of Emotional Intelligence and Perceived Parenting Styles among Adolescents in a Rural Area in Karnataka. *Journal of Family Medicine and Primary Care*. 2017; 6(4):848-852. (In Eng.) DOI: http://doi.org/10.4103/jfmpe.jfmpe_100_17
16. Schmoeger M., Deckert M., Wagner P. et al. Maternal Bonding Behavior, Adult Intimate Relationship, and Quality of Life. *Neuropsychiatrie*. 2018; 32(1):26-32. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1007/s40211-017-0258-6>
17. Polivanova K.N. Parenting and Parenthood as Research Domains. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye PSYEDU.ru = Psychological Science and Education PSYEDU.ru*. 2015; 7(3):1-11. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301>
18. Schoppe-Sullivan S.J., Fagan J. The Evolution of Fathering Research in the 21st Century: Persistent Challenges, New Directions. *Journal of Marriage and Family*. 2020; 82(1):175-197. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1111/jomf.12645>
19. Åberg P., Ekman J., Rodin J. What Should a Russian Father Be Like? Exploring Fatherhood Norms and Identifying Norm Patterns among Inhabitants of Saint Petersburg. *International Political Science Review*. 2018; 39(4):487-502. (In Eng.) DOI: <http://doi.org/10.1177/0192512116684345>
20. Avdeeva A.V. [“Involved Paternity” in Modern Russia: Strategies for Participation in Childcare]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya = Sociological Studies*. 2012; (11):95-104. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_11/Avdeeva.pdf (accessed 20.11.2019). (In Russ.)
21. Poskrebysheva N.N., Yusifova N.D. [The Image of Childhood and Parenthood in Adolescents: A Cross-Cultural Aspect]. *Mir psikhologii = World of Psychology*. 2018; (1):126-134. Available at: <https://www.mpsu.ru/upload/iblock/48d/48d49dfc6ce66ca829e30eb60170ce14.pdf> (accessed 26.03.2020). (In Russ.)
22. Vasileva N.L. [Parental Image Research]. *Voprosy psikhicheskogo zdorovya detey i podrostkov (Nauchno-prakticheskiy zhurnal psikhiiatrii, psikhologii, psikhoterapii i smezhnykh distsiplin) = Issues of Mental Health of Children and Adolescents (Scientific and Practical Journal of Psychiatry, Psychology, Psychotherapy and Related Disciplines)*. 2012; (2):45-50. Available at: <http://psychildhealth.ru/2012-02.pdf> (accessed 26.03.2020). (In Russ.)
23. Rean A.A., Kononov I.A. Adolescent’s Socio-Cognitive Representations (Images) of Different Social Groups. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*. 2018; 9(2):60-80. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://doi.org/10.17759/sps.2018090205>
24. Poskrebysheva N.N., Karabanova O.A. The Research of Individual Adolescent Autonomy in the Context of Social Situation of Development. *Natsionalnyy psikhologicheskyy zhurnal = National Psychological Journal*. 2014; (4):34-41. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://doi.org/10.11621/npj.2014.0404>
25. Drobysheva T.V., Jouravlev A.L. The City as an Object of Research in the Social Psychology: To the Historical Background. *Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya = Social and Economic Psychology*. 2016; 1(1):196-213. Available at: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document205.pdf> (accessed 11.11.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
26. Stefanenko E.A., Ivanova E.M., Enikolopov S.N., Proyer R., Ruch W. The Fear of Being Laughed at Diagnostics: Russian Adaptation of Gelotophobia Questionnaire. *Psikhologicheskyy zhurnal = Psycho-*

logical Journal. 2011; 32(2):94-108. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16331527> (accessed 10.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

27. Stefanenko E.A., Enikolopov S.N., Ivanova E.M. Social and Demographic Aspects of Gelotophobia in Russia. *Voprosy psikhologii* = Psychological Issues. 2013; (2):104-111. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21195740> (accessed 10.09.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

28. Kapustina V.A., Manzyrkova K.S. [Comparative Analysis of Aggressiveness of Citizens from the Big and Small Towns]. *Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya* = Social and Economic Psychology. 2018; 1:338-348. Available at: <http://ipras.ru/engine/documents/document13424.pdf#page=338> (accessed 11.11.2019). (In Russ.)

29. Rean A.A. A Family in the Structure of Values of Young People. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* = Russian Psychological Journal. 2017; 14(1):62-76 (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <http://doi.org/10.21702/rpj.2017.1.4>

Submitted 18.02.2020; revised 27.04.2020; published online 30.09.2020.

About the authors:

Artur A. Rean, Head of IOE Laboratory for the Study and Prevention of Adolescent Deviance, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia), Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Member of Russian Academy of Education, **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>**, **Scopus ID: 6507072773**, **Researcher ID: A-5349-2015**, arean@hse.ru

Ivan A. Konovalov, Research Analyst of IOE Laboratory for the Study and Prevention of Adolescent Deviance, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>**, **Scopus ID: 55948993400**, **Researcher ID: AAH-2741-2019**, iv.konovalov@yandex.ru

Contribution of authors:

Artur A. Rean – organization and formulation of the basic concept of the study; approval of the methodology; scientific guidance; preparation of the final text.

Ivan A. Konovalov – data processing; search for analytical materials in Russian and foreign literature; preparation of initial conclusions.

All authors have read and approved the final manuscript.